
луну в фонарь вкрутили вместо лампы,
разбитой из рогатки шалопаем.
плетусь домой. райончик небогатый.
а в луже звёзды. хоть гребь лопатой!
лопаты нет, я черпаю их взглядом
и лёгкими глотаю питкий воздух:
чуть сырости и мягкая прохлада...
а что? наверно,
так и пахнут звёзды

я вижу облака как белый пенопласт,
будто кто-то запечатал Омск в коробке.
нас возьмут, да отправят, не ровен час,
за Байкал, Сахалин и камчатские сопки.

я, того и гляди, очнусь в пункте выдачи,
и меня по штрих-коду получит какой-нибудь немец.
у него острый нос, как из камня выточен.
он злой, — он посылку ждал целый месяц.

он разрежет скотч, засунет в коробку свой нос
и разорётся благородным немецким матом:
мол, я не заказывал этот унылый Омск.
на сортировке, видимо, спутали гады!

мой каждый след с заснеженной обочины
сдувает ветер и уносит в небо.
возьми с собой меня! возьми меня!
— не хочет.
и прям в лицо смеётся липким снегом.

как жаль, что я плотской, белковый, кожаный...
всех с ног сшибать как этот ветрозлыдень,
наверное, и мне хотелось тоже бы.
но я всего лишь человек, простите.

заливаясь рассветом, бликует декабрьский снег,
за домами соседними поезд царапает рельсы.
выхожу из квартиры, в наушниках музыки нет,
— у любимых артистов, похоже, не пишутся песни.

я недавно тебя провожал до кирпичной постройки.
ты сказала, что это твой дом и нырнула в подъезд.
а я вёл вечерами охоту за рифмами в строках.

я бродил по восточке, ища их. и вот они, здесь:

я запомнил тебя по дыханию нежного лета,
по осени тёплой, шуршанью листвы под ногой
и по мороси мерзкой с холодным ноябрьским ветром,
и по зимним визитам в театр с тобой.

каждый раз, отдаляясь от краснокирпичного храма,
рассыпаю мгновенья красиво увядшего дня.
каждый раз, уходя, я боюсь, что всё это неправда,
а уверен лишь в том, что прожил этот вечер не зря.

мы мысли в сферическом вакууме чьих-то раздумий,
мы дети в болоте, мы жабы в песчаной коробке.
отчаянный поиск себя и земли под ногами,
бесконечный заплыв в безвоздушном и тесном пространстве.

за шторой пропитанной ночью и запахом гари
одиоко-огромные точки из света и газа.
за веком ушедшим и черти, и люди, и твари.
за веком закрытым – стеклянная выпуклость глаза.

снег растает в августе, наверно.
вот и я растаю вместе с ним.
между гаражами в пыльной тени
зиму мы надолго сохраним.

я покроюсь коркой твёрдо-грязной,
а внутри останется навек
вера в то, что тает не напрасно
мой последний августовский снег.